

Рождение картины

Павлу Филонову

Простой сюжет из жизни дикарей
Внезапно проявляется из леса,
И вёсла вырастают из ветвей
Воинственной щетиной Ахиллеса.
Пока ещё романтик-аргонавт
Скрывается в орнаменте-меандре,
Ахилл, как будто древний астронавт,
Является в реликтовом скафандре.

Ему попробуй, выдохни: «Дикарь!» –
Напорешься на копья, стрелы, пики...
Хронолог, многословный, как словарь,
Тебя отправит в лоно Эвридики.
Но в горле неродившихся морей
Рождается легенда или вера,
И символ бездорожья, Одиссей,
Скитается над волнами Гомера.

А дикари, как должно дикарям,
Детёнышам вживляют бычьи вены,
И тянут Ойкумену по морям,
И море волокут из Ойкумены.
И Ахиллес, как древний астронавт,
Шокирован от дикого сюжета,
Он с дикарями пьёт на брудершафт
И падает у статуи поэта...

Тяжёлый, словно поступь дикаря,
Идёт по Ойкумене Александр.
И голова философа-царя
Похожа на реликтовый скафандр:
Кудрявый целомудренный анфас,
И профиль со следами листопада...
Но это не Гомер и не Скопас.
История, увы, не «Илиада».

И всё вокруг во власти дикарей:
Быки и жерди, сети ирригаций...
Как рыбы, выползают из морей
Строители земных цивилизаций.
Шумит прибой... И первая строка,
Как пена, вытекает из кратера.

И время, что разъято на века,
Расходится кругами от Гомера.

Тотальный диктант

В начале августа в созвездии Дельфина
Вдруг вспыхнет в темноте сверхновая звезда –
И обретает речь божественная глина,
И держит на весу ночные города.
И плоть идёт на плоть. И нет числа и меры.
Вневременный провал Катулла и Рабле.
И все мы рождены ещё до нашей эры,
И до сих пор плывём на том же корабле.

Тотальный, как диктант, под портиком Сената
Солирует сверчок – поёт на все лады
Пифагорейских сфер. И лунная соната
Гуляет с ветерком над зеркалом воды.
Скульптурный пластилин запомнит форму тела.
И в матрицу времён мелодия сверчка
Прольётся, как металл для статуи Марцелла,
Несущего трофеем Бессмертного Полка.

Дым отечества

Мой дикий край, родной Гиперборей!
Звезда в колодце. В срубах мужики.
Шумит река. И бродит у реки
Трофейный, словно азбука, Орфей.
По-скифски сатанеют облака.
Но скифы ловко резали по злату,
Не веря Богу, верили булату
И золото везли издалека.
Но этот вид теперь позеленел
От патины. Но живо наше племя!
И сотни лет отмеривает время
Туда, где скифы ставили предел.
Но скиф – есть скиф. И зрелище врагов
Не выродилось в контуры испуга.
И всем известно то, что скиф за друга
Способен наломать немало дров
И спрятаться во времени. Увы!
Не знает городов Гиперборея.
И не найти по карте Птолемея
Участок для строительства Москвы.

Гений места

Когда я жил в деревне и следил
При свете звёзд, как время прибывало

Во мне самом, я набирался сил,
И каждый стих, как жизнь, хотел сначала
Переписать, и в линиях судьбы
Разгадывал сюжет кедровой пади.
Срывал цветы и собирал грибы,
Вынашивал слова «Лесной тетради».
Как ветерок, стремился на простор.
Встречал друзей и провожал далече.
Подслушивал рыбацкий разговор
И плеск волны вживлял в структуру речи.
Смотрел на вещи просто, говоря
На языке забытого рассказа,
И всё-таки собрал для словаря
Цветной букет родного новояза.

Когда я жил в деревне, за чертой
Той бедности, чем славилась округа,
Нетрезвый гений места предо мной
Возник и закружил меня, как вьюга,
И вычерпал из проруби ведром
Рождественские звёзды! На дороге
Я говорил с полуночным воров
И спорил с ним о дьяволе и Боге.
Из темноты переходил в тепло,
Читал стихи Бориса Пастернака.
И бабочкой слетала на стекло
Одна звезда из круга Зодиака...

Вершина

Распятье читается в каждом окне,
И тень возникает на каждой стене.
Следы оставляет любая ступня.
И пепел останется после огня.

Но символ полёта – не крылья, а крест.
И место героя – не крепость, а Брест.
И ночь, поглотившая крики беды,
Прозрачнее всякой проточной воды.

Как всякая правда коварнее лжи,
Опаснее бритвы тупые ножи.
Рождённое слово острее пера,
Но ниже Голгофы любая гора.

Слова

когда-нибудь я научусь
без слов молиться
и в пустыне видеть Бога

и напишу поэму из имён
какими нарекли его в гордыне
строители высокой башни
и в споре разошлись
когда-нибудь я одержу победу
и пропою хвалу своим врагам
помилую друзей
прощу знакомых

когда-нибудь
ещё до восхожденья
и гибели библейских городов

Медитация

Я – Будда. Утро. Жду учеников.
Мои ученики ещё в постели.
Но кто моих детей будить посмеет,
Когда и сам учитель крепко спит.